

идеологии

Н.В.Работяжев

РЕАЛИЗМ И УТОПИЯ В ИДЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Николай Владимирович Работяжев — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук. Для связи с автором: rabortiajev@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию соотношения утопических и реалистических компонентов в идеологии европейской социал-демократии. Автор показывает, что на протяжении XX в. социал-демократия рассталась со многими утопическими представлениями и иллюзиями. В конце XIX — первой половине XX в. идеологией европейских социал-демократических партий (за исключением Лейбористской партии Великобритании) был марксизм в той догматизированной форме, которую придали ему Ф.Энгельс, К.Каутский и Г.Плеханов, хотя уже в то время ряд положений марксистской доктрины был поставлен под вопрос представителями ревизионистского течения во главе с Э.Бернштейном. В ходе последующей дерадикализации социал-демократы фактически перешли на позиции социал-реформизма. В 1950-е годы они отказались от многих марксистских постулатов и провозгласили приверженность этическому социализму в рамках смешанной экономики. В конце 1970-х годов, со вступлением созданной ими кейнсианской социально-экономической модели в полосу кризиса, тенденция к дерадикализации социал-демократических партий приобрела дополнительный импульс, что нашло выражение в усилении в них прорыночного крыла. Наиболее активно процессы идеологической модернизации развернулись в ЛПВ и СДПГ, результатом чего стало возникновение «новой» социал-демократии («новый лейборизм» Т.Блэра, «новый центр» Г.Шрёдера). Однако глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. прервал движение европейской социал-демократии в сторону социального либерализма, и в 2010-е годы она вновь во многом вернулась к своей традиционной повестке. По оценке автора, обозначившийся в последние годы «левый поворот» социал-демократии свидетельствует о том, что она не может полностью перейти на позиции рыночного прагматизма и по-прежнему нуждается в «утопии-надежде».

Ключевые слова: социал-демократия, утопия, марксизм, демократический социализм, «третий путь», «новый лейборизм»

¹ Шацкий 1990: 147.

История общественной мысли, констатирует польский социолог Ежи Шацкий, это в немалой степени история утопий и утопизма¹. Особенно справедливо это в отношении социалистической мысли и левых движений, которые постоянно вдохновлялись утопическими образами будущего. Собственно, и притягательность марксизма, оказавшего огромное влияние на программно-идеологические установки рабочего движения в конце XIX — первой половине XX в., в немалой степени объясняется присущими ему утопическими и пророческими элементами.

² Цит. по: Варшавский 1982: 156.

Воздействие утопий на общественную жизнь весьма противоречиво. С одной стороны, они могут побуждать к прогрессу, позитивным переменам, преодолению недостатков сложившегося общественного устройства, с другой — стремление воплотить утопию на практике путем государственного принуждения обычно имеет разрушительные последствия. «Утопия полезна, — отмечал Милован Джилас, — так как человечество не может выжить без идеала общества более справедливого и более свободного. Но когда утописты захватывают власть и пытаются осуществить утопию насильем, тогда получается прямо противоположное идеалу»². Так, попытка насильственно реализовать марксистскую утопию в России обернулась террором, тоталитаризмом и разрушением традиционно-органических устоев общественного бытия. В то же время частичная институционализация ее в странах Запада, проводившаяся демократическим образом социал-демократами, при всей их приверженности этатистско-перераспределительным установкам способствовала гуманизации рыночно-капиталистической системы, социальной интеграции рабочих, созданию государства всеобщего благосостояния.

Между тем со времени формирования на Западе первых социал-демократических партий минуло почти полтора века, за которые социал-демократия из радикально антибуржуазной силы превратилась в часть политического истеблишмента. В ходе процесса дерадикализации она понемногу расставалась с иллюзиями и утопическими представлениями и все в большей степени принимала во внимание реальность. Требование обобществления основных средств производства осталось в далеком прошлом, социал-демократы признали преимущества рыночной экономики, а их «новая», модернизаторская часть в конце XX — начале XXI в. включила в свой идеологический багаж целый ряд концептов неolibерализма. Но хотя элементы утопического мышления на протяжении последнего столетия неуклонно вытеснялись из социал-демократического дискурса, все же полностью они не исчезли. Да ни одна социал-демократическая партия, вероятно, и не может целиком отказаться от своей «утопии-надежды»³. Целью настоящей статьи является анализ соотношения утопических и реалистических компонентов в идеологии европейской социал-демократии на различных этапах ее истории и, соответственно, тех изменений, которые претерпела социал-демократическая концепция социализма.

³ Выражение бывшего лидера СДПГ Зигмара Габриэля.

**Марксистская
утопия**

⁴ Исключение составляла Лейбористская партия Великобритании, на установки которой, помимо марксизма, заметное влияние оказали фабианский эволюционизм, христианский социализм и социальный либерализм.

В конце XIX — начале XX в. идеологией европейских социал-демократических партий был марксизм в той догматизированной форме, которую придали ему Фридрих Энгельс, Карл Каутский и Георгий Плеханов⁴. Социал-демократы той эпохи объявляли своими конечными целями свержение капиталистического строя, переход власти к рабочим и обобществление частной собственности. Наступление социализма казалось им неизбежным в силу «железных законов» исторической необходимости, управляющих, согласно Карлу Марксу, развитием человечества. В рамках Марксова «научного социализма» упор делался на двух аспектах социальных изменений, свидетельствовавших, по мнению его создателя, о неотвратимости краха капитализма. Во-первых, это постулированное Марксом нарастание противоречий между производительными силами (экономическим потенциалом общества) и производственными отношениями (его социальной структурой), которое неминуемо должно было завершиться социальной революцией. Во-вторых, прогнозируемое им же обострение по мере развития капиталистического общества конфликта между двумя его основными классами — индустриальным пролетариатом и буржуазией. Маркс предсказывал пролетаризацию средних слоев, абсолютное и относительное ухудшение положения рабочего класса, что в конечном итоге должно было привести к пролетарской революции и экспроприации победоносным пролетариатом частной собственности.

На смену капитализму, полагал Маркс, придет бесклассовое социалистическое общество, представления о котором формировались у него под сильным влиянием французского «утопического» социализма, прежде всего идей Анри Сен-Симона и Шарля Фурье. Рыночная конкуренция в таком обществе будет заменена рациональным планированием, а экономика станет служить не извлечению прибыли, а удовлетворению потребностей людей, в силу чего она сможет обеспечить изобилие материальных благ. К этому следует добавить, что, с точки зрения Маркса, с ликвидацией буржуазных производственных отношений человеческая природа радикально изменится, вызванные эгоизмом конфликты останутся в прошлом, и интересы всех людей будут находиться в полной взаимной гармонии. В сущности, Марксово видение социализма представляло собой мессианское пророчество, изложенное языком экономики и социологии, мечту «об обществе совершенного единства, в котором все человеческие желания были бы удовлетворены и все ценности примирены»⁵.

В то же время Маркс не дал сколько-нибудь конкретного описания ни социалистического общества, ни политико-институционального устройства власти рабочего класса («диктатуры пролетариата»). С одной стороны, социализм, по Марксу, должен был базироваться на принципах свободной ассоциации и самоуправления, с другой — предполагал централизованное управление экономикой (а значит, элементы иерархии). Как отмечает американский политолог Мелвин Ласки, те «смутные намеки на собственную утопию Маркса», которые можно

⁵ Kolakowski 1981: 523.

⁶ Ласки 1991: 182.

обнаружить в его работах, «указывают на веру в некую федерацию коммун и кооперативов (но тут, конечно, приходится пренебречь сильным государственно-централистским подтекстом)»⁶.

В целом картину социалистического общества, как его представляли себе социалисты и социал-демократы конца XIX — начала XX в., можно схематически обрисовать следующим образом. Социализм означает замену частной собственности общественной и, соответственно, отсутствие социально-классовой дифференциации на собственников капитала и наемных рабочих. Поскольку средства производства перейдут во владение общества, рабочая сила перестанет быть товаром, исчезнет отчуждение труда. В социалистическом обществе не будет товарно-денежных рыночных отношений и конкуренции хозяйствующих субъектов, на их место придет производство по общему и рациональному плану. Исчезнут безработица и необеспеченность существования, сократится рабочий день, значительно вырастет жизненный уровень. Все члены социалистического общества будут иметь равные права и обязанности. Кроме того, в социалистическом обществе будут существовать народное представительство и широкое самоуправление. Предполагалось, что обобществление и планирование не нанесут ущерба духовной свободе: при социалистическом способе производства, утверждал ведущий теоретик германской социал-демократии Карл Каутский, коммунизм (то есть централизованно-плановое управление) в материальном производстве будет сочетаться с анархизмом в производстве интеллектуальном⁷.

⁷ Каутский 1917: 60.

В 1891 г. на съезде Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в Эрфурте была принята программа, оказавшая заметное влияние на программно-идеологические установки европейской социал-демократии конца XIX — начала XX в. В теоретической части программы, написанной Каутским, излагались основные положения учения Маркса о развитии капиталистического общества, его социальных противоречиях, классовой борьбе пролетариата и буржуазии и грядущей победе рабочего класса. Преобразование частной собственности в общественную, а товарного производства — в социалистическое, утверждалось в ней, приведет к тому, что «крупное производство и постоянно возрастающая производительность общественного труда из источника нищеты и угнетения эксплуатируемых до сих пор классов превратится в источник высшего благосостояния и всестороннего, гармоничного усовершенствования»⁸. Но для того чтобы переход средств производства в общественное владение стал возможным, пролетариат должен овладеть политической властью⁹.

⁸ Суворов и Двинская (сост.) 2005: 95.

⁹ Там же: 96.

Наряду с теоретической частью, Эрфуртская программа включала в себя перечень общедемократических и социальных требований, направленных на улучшение положения рабочего класса и низших слоев общества (всеобщее избирательное право, равноправие женщин, всеобщее бесплатное образование, установление 8-часового рабочего дня и т.д.)¹⁰. Таким образом, утопически-революционные идеи марксизма

¹⁰ Там же: 96—98.

нашли отражение лишь в теоретической части программы, в то время как практическая ее часть *de facto* ориентировала германских социал-демократов на реформистский путь преобразования существующего общества и государства.

Показательно, что уже через несколько лет после принятия Эрфуртской программы автор ее практической части Эдуард Бернштейн, испытавший заметное влияние эволюционистских концепций Фабианского общества, выступил за ревизию ряда положений марксистской доктрины. В сущности, речь шла об очищении марксизма от тех «остатков утопизма», которые сохранились в нем вопреки научному методу Маркса¹¹. Опираясь на большой фактический материал, Бернштейн доказывал, что развитие капитализма опровергло Марксовы прогнозы об обнищании пролетариата и обострении социальных противоречий буржуазного общества, и ставил под сомнение вывод марксизма о неизбежном крахе капиталистической системы. В связи с этим он призвал отказаться от упований на грядущую революцию и сосредоточиться на борьбе за проведение политических, социальных и экономических реформ, непосредственно улучшающих положение рабочего класса. Социал-демократия, настаивал он, должна найти в себе мужество освободиться от устаревшей фразеологии и провозгласить себя тем, чем она является в действительности, — демократически-социалистической партией реформ¹².

¹¹ *Бернштейн 2015: 226.*

¹² *Там же: 211.*

Хотя марксистские ортодоксы рубежа XIX—XX вв. подвергли ревизионизм резкой критике, на практике и СДПГ, и другие европейские социал-демократические партии пошли именно по реформистскому пути. Их дерадикализация объяснялась рядом факторов как «идеального», так и «материального» характера. Фактический переход социал-демократии на позиции реформизма был обусловлен прежде всего тем, что предсказанная Марксом социальная революция откладывалась на неопределенный срок. По справедливому замечанию русского философа Павла Новгородцева, «если абсолютное совершенство будущего оказывается недостижимой целью, то тем более выдвигаются относительные задачи настоящего. Жизнь не ждет, она должна быть и теперь устроена как можно лучше. Об этом можно не думать, если завтра наступит полное освобождение от всех бедствий. Но если ясно, что оно не наступит, все усилия сосредоточиваются на нуждах текущего дня»¹³. Дерадикализации социалистического движения способствовало также тесное взаимодействие социал-демократических партий с профсоюзами, настроенными более умеренно и прагматически, чем интеллектуалы-социалисты. К усилению реформистских тенденций вел и постепенный рост уровня жизни индустриального пролетариата.

¹³ *Новгородцев 1991: 400—401.*

¹⁴ *См. Michels 1989.*

Важно также отметить, что, в полном соответствии с заключениями немецкого социолога Роберта Михельса¹⁴, руководящий слой социал-демократических партий мало-помалу трансформировался в группу профессиональных политиков, стремившихся не столько к радикальным социальным переменам, сколько к завоеванию парламентских

мандатов. Бюрократический аппарат партии и ее депутаты в парламенте постепенно теряли интерес к теории и идеальным целям движения, и их революционная риторика становилась не более чем данью традиции. Участие в парламентской деятельности вело к усилению у социал-демократов реформистских настроений и потому, что «включенные в рамки самого государства, они видели и законы, способные улучшить условия жизни рабочих, и пути их подготовки; само положение законодателей влекло их скорее к реформизму, нежели к революционной деятельности»¹⁵.

¹⁵ Дюверже 2000:
247

Но если континентальные социал-демократические партии постепенно переходили на путь социального реформизма, сохраняя при этом революционную риторику, то Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) с момента своего рождения ориентировалась на достижение социализма эволюционным парламентским способом. В отличие от своих континентальных коллег, совмещавших революционные цели с реформистской практикой, лейбористы с самого начала ставили перед собой исключительно реформистские цели¹⁶. И хотя они тоже выступали за общественную собственность на основные средства производства, распределения и обмена (знаменитый 4-й пункт Устава ЛПВ 1918 г.), социализация рассматривалась ими как длительный поэтапный процесс.

¹⁶ Sassoon 1996: 16.

С началом в 1914 г. мировой войны Второй интернационал фактически прекратил свое существование. Новый международный союз социалистических партий — Рабочий социалистический интернационал (РСИ) — был создан в 1923 г. В Уставе РСИ говорилось, что он объединяет социалистические и рабочие партии, «которые ставят своей целью освобождение рабочего класса от капиталистической эксплуатации и утверждение социалистического способа производства и видят средство достижения этой цели в классовой борьбе, находящей выражение в политических и экономических действиях рабочих»¹⁷.

¹⁷ Brauntal (ed.)
1956: 31.

При том что в программных документах РСИ и входивших в него партий не было недостатка в жестких обличениях капитализма, на практике социал-демократические партии продолжали интегрироваться в существующее общество. Причины подобного сдвига были рассмотрены выше, здесь отметим лишь, что важнейшую роль в дерадикализации европейской социал-демократии сыграло ее участие во власти (работа в правительствах, парламентах и муниципалитетах). Очевидно, что превращение из оппозиции в партию, несущую ответственность за государство и поставленную перед необходимостью решать конкретные задачи управления, не могло не вести к снижению революционности и утопизма.

Осознанию социал-демократами ценности политической свободы, демократических институтов и практик во многом способствовал опыт большевизма и фашизма. Полемизируя с большевиками, Каутский подчеркивал: «Для нас немислим социализм без демократии. Мы понимаем под современным социализмом не просто общественную организацию производства, но также и демократическую организацию

- ¹⁸ *Kautsky 1918: 5.* общества... Нет социализма без демократии»¹⁸. А австромарксист Отто Бауэр настаивал на том, что социализм должен сохранить основные достижения культуры буржуазной эпохи (уважение к правовой защищенности личности, свободе духа, человечности и др.)¹⁹.

¹⁹ *Bauer 1936.*

Попытка теоретически обосновать эволюционно-реформистский путь к социализму была предпринята в середине 1920-х годов одним из идеологов СДПГ экономистом Рудольфом Гильфердингом, выдвинувшим концепцию экономической (хозяйственной) демократии. Согласно Гильфердингу, монополистические корпорации устраняют анархию производства, в результате чего капитализм свободной конкуренции превращается в организованный капитализм, и задача социал-демократии состоит в том, чтобы «преобразовать с помощью государства, с помощью сознательного общественного регулирования это организованное и руководимое *капиталистами* хозяйство в хозяйство, руководимое *демократическим государством*»²⁰. Помимо государственного вмешательства, реализация хозяйственной демократии, как полагал Гильфердинг, требовала создания системы экономических советов, посредством которых рабочие могли бы осуществить свое право на соучастие в организации экономики. Таким образом, достижение социализма мыслилось им как длительный эволюционный процесс хозяйственной демократизации. «Если Энгельс назвал дело своей жизни и жизни Маркса прогрессом социализма от утопии к науке, то теперь речь идет о применении науки об обществе к организации общества, — доказывал он. — Это будет переход от научного социализма к конструктивному»²¹. Разработанная Гильфердингом концепция движения к социализму повлияла на социал-демократическую мысль не только Германии, но и других европейских стран.

²⁰ *Гильфердинг 1928: 128.*

²¹ *Там же: 35.*

Постмарксизм

Восстановление Социалистического интернационала после Второй мировой войны происходило при решающем участии британских лейбористов. Неудивительно, что его идеология несла на себе заметный отпечаток установок ЛПВ.

Социалистический интернационал был возрожден в 1951 г. на международном конгрессе во Франкфурте-на-Майне. Значение этого конгресса заключалось и в том, что он принял декларацию «Цели и задачи демократического социализма», оказавшую исключительное влияние на идеологию и политику социал-демократических партий. В Декларации были зафиксированы основные положения концепции демократического социализма, который рассматривался и как конечное воплощение социал-демократических устремлений — общество без эксплуатации, и как способ их реализации. Демократический социализм был объявлен третьим путем общественного развития, альтернативным как неконтролируемому капитализму, так и тоталитарному коммунизму.

Представленная во Франкфуртской декларации трактовка демократического социализма в значительной мере отходила от тех принципов,

которыми руководствовалась европейская (или, по крайней мере, континентальная) социал-демократия в 1920—1930-е годы. Так, Декларация фактически положила конец доминирующему положению марксизма в рабочем движении: в ней говорилось, что демократический социализм не требует жесткого единообразия взглядов и его сторонники могут руководствоваться результатами марксистского либо какого-то иного метода социального анализа, религиозными или гуманитарными принципами²². Социалистическое движение, утверждалось в документе, все в большей степени становится движением не только рабочих, но и крестьян, ремесленников, служащих, мелких торговцев, лиц свободных профессий²³. Тем самым социал-демократы окончательно отказывались от веры во всемирно-историческую миссию рабочего класса. Во Франкфуртской декларации вообще не упоминалось о классовой борьбе, а продвижение к социализму связывалось исключительно с правительственной и парламентской деятельностью социал-демократии. Было отвергнуто и представление об исторической неизбежности прихода социализма.

²² *Braunthal (ed.) 1956: 41.*

²³ *Ibid.: 40.*

Как же выглядел социалистический идеал с точки зрения Декларации 1951 г.? «Социализм, — провозглашалось в ней, — стремится освободить народы от зависимости от меньшинства, которое владеет или распоряжается средствами производства. Его цель — передать право распоряжаться экономикой в руки всего народа и создать сообщество, в котором свободные люди работают вместе как равные»²⁴.

²⁴ *Ibidem.*

Согласно Франкфуртской декларации, социализм предполагал сочетание политической, экономической и социальной демократии. При этом изложенные в разделе о *политической демократии* представления о желательном государственном устройстве (гарантии фундаментальных прав и свобод человека, многопартийная система, свободные выборы, равенство всех граждан перед законом, независимость суда и др.), по сути, ничем не отличались от ключевых принципов либеральной демократии.

Экономическая демократия в понимании социал-демократов означала общественный контроль над экономикой, участие трудящихся в принятии хозяйственных решений. Если ранее условием утверждения социализма считалась социализация основных средств производства и обмена, то во Франкфуртской декларации делался упор на социалистическом планировании, вполне совместимом с сохранением частной инициативы в некоторых сферах экономики (сельском хозяйстве, ремесле, розничной торговле, мелкой и средней промышленности²⁵). Социалистическое планирование не подразумевало также, что все экономические решения будут приниматься правительством, — напротив, подчеркивалось, что «экономическая власть должна быть децентрализована настолько, насколько это совместимо с задачами планирования»²⁶. Кроме того, в Декларации выдвигалось требование демократического участия рабочих в управлении промышленностью²⁷.

²⁵ *Ibid.: 42—43.*

²⁶ *Ibid.: 43.*

²⁷ *Ibidem.*

Наконец, *социальная демократия* подразумевала реализацию важнейших социальных прав индивида — на труд, на медицинскую

помощь и охрану материнства, на отдых, на материальное обеспечение при утрате трудоспособности, на образование, на достойное жилье²⁸.

²⁸ *Ibidem*.

Принятие Франкфуртской декларации, таким образом, знаменовало собой еще один шаг на пути дерадикализации европейской социал-демократии и избавления ее от утопических концептов. Декларация полностью порывала с марксистской трактовкой перехода к социализму, рассматривая его как постепенное вращание экономической и социальной демократии в буржуазное общество. Были отброшены представления о мессианской исторической роли пролетариата, о неизбежности наступления социализма и необходимости полного обобществления промышленности. Более того, в Декларации нашел отражение этический, ценностный подход к социализму, характерный скорее для лейбористского, чем для марксистского дискурса. «Социалисты, — говорилось в ней, — выступают против капитализма не только потому, что он экономически расточителен и не обеспечивает массы материально, но прежде всего потому, что он оскорбляет их чувство справедливости. Они против любой формы тоталитаризма, поскольку тоталитаризм унижает человеческое достоинство»²⁹.

²⁹ *Ibid.*: 44.

С принятием Франкфуртской декларации европейское социал-демократическое движение вступило в стадию постмарксизма. На смену «научному социализму» как основе идеологии большинства социал-демократических партий пришел этический социализм, в рамках которого социализм трактуется в первую очередь как система нравственных ценностей, а социалистический идеал выводится из а priori присущих всем людям моральных принципов. В глазах этических социалистов обоснованием социалистической идеи солидарности, равноправия и уважения личности служит категорический императив Иммануила Канта, предполагающий недопустимость отношения к человеку как к средству. Капитализм осуждается ими прежде всего потому, что он низводит человека до средства производства.

Борьба за социализм при таком подходе сводится к попытке добиться реализации этических ценностей — свободы, справедливости, солидарности, равенства — в политике и экономике. Социалистическое движение, соответственно, вдохновляется не классовыми интересами пролетариата, а общечеловеческими нравственными мотивами. Так, в Заявлении Социнтерна о социализме и религии (1953) подчеркивалось, что «социализм — это моральный протест против унижения человека в современном обществе» и «в Европе одним из духовных и этических источников социалистической мысли является христианство»³⁰.

³⁰ *Ibid.*: 45.

Этическая трактовка социализма нашла отражение в ряде новых программ, принятых европейскими социал-демократическими партиями в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Самой известной из этих программ была Годесбергская программа СДПГ (1959). Немецкие социал-демократы (и не только немецкие) теперь видели в марксизме лишь один из духовных источников социалистического движения, наряду с христианской этикой, гуманизмом и классической философией³¹.

³¹ Суворов и Двинская (сост.) 2005: 154.

Отказ от большей части марксистского наследия мотивировался ими необходимостью адаптации к изменившимся со времен Маркса социальным условиям. Но, бесспорно, у него была и другая причина — стремление привлечь на свою сторону избирателя из средних слоев, которого марксистские установки скорее отпугивали.

Демократический социализм понимался в Годесбергской программе не как некое конечное гармоничное состояние общества, но как непрерывный процесс реформ, направленных на реализацию основных этических ценностей социал-демократии — свободы, справедливости, солидарности³². «Социализм, — говорилось в документе СДПГ, — является постоянной задачей — добиваться свободы и справедливости, сохранять их и утверждать себя в них»³³. Такая трактовка социализма означала, что СДПГ отказалась «от обоснованной с позиций исторической философии утопии»³⁴.

Адаптация немецких социал-демократов к реалиям окружающего мира выразилась и в том, что они признали ряд преимуществ рыночной экономики и взяли на вооружение некоторые концепты экономического либерализма. Рыночная конкуренция и свободная предпринимательская инициатива были объявлены важными элементами социал-демократической экономической политики; частной собственности гарантировалась защита и поощрение «в той мере, в какой она не препятствует созиданию справедливого социального строя»³⁵. Что касается традиционных социалистических требований национализации и планирования, то они играли в Годесбергской программе довольно скромную роль, причем подчеркивалось, что государство «должно в основном ограничиваться мерами косвенного воздействия на экономику»³⁶.

В пользу отказа от масштабного обобществления, которое ранее было одним из их важнейших требований, социал-демократы выдвигали несколько аргументов. Во-первых, они утверждали, что наличие частной собственности есть гарантия личной свободы. Во-вторых, указывали на то, что экономические пороки капитализма, от которых страдали рабочие в XIX — первой половине XX в., в значительной мере преодолены и многие цели рабочего движения достигнуты без всякого обобществления средств производства. В-третьих, ссылались на опыт СССР и других социалистических стран, свидетельствующий о том, что тотальная национализация не только не расширяет автоматически пространство политической свободы, но и может привести «к чрезмерной концентрации власти в руках неконтролируемой бюрократии, к появлению новой формы диктатуры»³⁷.

Итак, в 1950-е — начале 1960-х годов социал-демократами было признано, что социализм — это бесконечный процесс реализации в общественной жизни ценностей свободы, справедливости и солидарности. Такая трактовка социализма означала еще один шаг к отказу европейской социал-демократии от утопических представлений. Утопизм рассматривает преобразование общества «как полный разрыв исторической преемственности»³⁸, и именно так понимали приход социализма

³² Там же: 153.

³³ Там же: 154.

³⁴ Брандт 1992: 306.

³⁵ Суворов и Двинская (сост.) 2005: 158—159.

³⁶ Там же: 158.

³⁷ Брандт 1992: 101.

³⁸ Шацкий 1990: 39.

классики марксизма. Но демократический социализм, ориентирующийся на постепенное реформирование существующего общества, отнюдь не собирался радикально порывать с его институтами, в том числе с институтами рыночной экономики и частной собственности.

Что касается экономической теории социал-демократов, то в послевоенные десятилетия ею стало кейнсианство, воспринятое ими как обоснование возможности постепенного преобразования экономики в направлении демократического социализма посредством государственного регулирования. Как замечает теоретик СДПГ Томас Майер, кейнсианский инструментарий экономического регулирования «был выкроен как раз по мерке ее [социал-демократии] политических ценностей и целей»³⁹. В концепции Джона Мейнарда Кейнса, в частности, доказывалось, что перераспределение доходов в пользу низкооплачиваемых слоев, которое отстаивалось социал-демократами с позиций социальной справедливости, полезно и с экономической точки зрения, поскольку позволяет предотвращать циклические колебания конъюнктуры и обеспечивать постоянный экономический рост.

Кейнсианство легло в основу социал-демократической социально-экономической модели, которая сложилась в 1950—1960-е годы и, казалось, позволяла сочетать преимущества рыночной экономики с достоинствами государственного регулирования. Ключевыми ее элементами были смешанная экономика, развитое государство всеобщего благосостояния, кейнсианская финансово-экономическая политика, стимулирующая спрос путем увеличения государственных расходов, и социальное партнерство.

По заключению российского политолога Глеба Мусихина, инкорпорация элементов утопического видения в дизайн государственной политики ведет к демонтажу утопии⁴⁰. И действительно, по мере частичного осуществления социал-демократической утопии утопический потенциал демократического социализма ослабевал, особенно в странах Центральной и Северной Европы. Гораздо большую приверженность изначальным социалистическим установкам в 1970-е годы демонстрировали социалистические партии Южной Европы — французская (ФСП), испанская (ИСРП) и португальская (ПСП). Южноевропейские социалисты продолжали рассматривать социализм не как набор этических ценностей, а как новое общество, основанное на преобладании общественной собственности и самоуправлении. Так, в лексиконе ФСП 1970-х годов по-прежнему сохранялись такие понятия, как разрыв с капитализмом, классовый фронт, самоуправленческий социализм. А испанская и португальская социалистические партии, легализовавшиеся после падения в их странах авторитарных режимов, провозглашали своей целью завоевание власти рабочим классом, обобществление средств производства и создание бесклассового социалистического общества, базирующегося на самоуправлении.

Впрочем, довольно скоро дерадикализировались и эти партии. Французские социалисты после не слишком удачного «левого эксперимента»

³⁹ Майер 2000: 110.

⁴⁰ Мусихин 2013: 147.

1981—1983 гг. перешли на позиции традиционной социал-демократии. В конце 1970-х — начале 1980-х годов от многих утопических установок отказались и социалисты стран Пиренейского полуострова, чему в значительной мере способствовало их участие во власти. «В 1974 г., — констатирует британский политолог Дональд Сэссун, — ИСРП была партией радикальных смутьянов. Теперь [после прихода к власти в 1982 г.] она стала умеренной правящей партией. К середине 1980-х годов проводимая ИСРП ортодоксально либеральная политика дерегулирования сделала ее название — подчеркивающее, что она „социалистическая“ и „рабочая“, — полным анахронизмом»⁴¹.

⁴¹ *Sassoon 1996: 626.*

Идеологическая модернизация социал-демократии

Между тем с конца 1970-х годов европейская социал-демократия вступила в полосу кризиса. Схематически причины этого кризиса можно обрисовать следующим образом. В социальной структуре западноевропейских стран сокращалась доля традиционного рабочего класса — важнейшей социальной и электоральной опоры социал-демократии — при быстром росте численности новых средних слоев. Крупные предприятия с большим числом занятых и конвейерной системой вытеснялись мелкими и средними фирмами «новой экономики», что влекло за собой размывание социал-демократической политической культуры. Западное общество фрагментировалось, в нем возникало множество референтных групп, в то время как партийная идентификация индивида ослабевала. Все большее распространение получал «новый индивидуализм», плохо совместимый с коллективистскими и государственно-патерналистскими ценностями социал-демократии. В целом *Zeitgeist* в 1980-е годы стал более индивидуалистическим, и социал-демократия с ее этосом социальности и солидарности ему явно не соответствовала. Как отмечал на рубеже 1980—1990-х годов Майер, индивидуализированное самосознание «больше не увязывается с коллективно выработанными и солидарно одобренными политическими проектами, ибо верит, что эти планы уже не нужны для профессиональной деятельности отдельного человека, его социального бытия и частной жизни»⁴².

⁴² *Майер 1990: 118.*

Кризис коснулся и социал-демократической социально-экономической модели. Государство благосостояния все заметнее впадало в бюрократическое окостенение, что вело к ослаблению динамизма экономики и росту иждивенческих настроений. Более того, становилось ясно, что кейнсианская модель не соответствует эпохе информационно-компьютерных технологий и «новой экономики», требующей от субъектов рынка максимальной гибкости и инициативы. Ее возможности были поставлены под вопрос и процессом глобализации. К сказанному следует добавить, что крушение в 1989—1991 гг. так называемого «социалистического лагеря» обернулось дискредитацией в странах Запада самой социалистической идеи.

Под влиянием перечисленных выше процессов в ряде европейских социал-демократических партий активизировалось правое крыло,

позитивно настроенное по отношению к рыночной экономике. Теоретики этого направления, или неоревизионисты (*renovadores* в Испании, *modernizers* в Великобритании, *les nouveaux réalistes* в Бельгии), предлагали модернизировать идейный багаж социал-демократии, обогатив его элементами «здорового либерализма».

Особенно сильно данные тенденции проявились в 1990-е годы в ЛПВ и СДПГ. После того как в 1994 г. ЛПВ возглавил Тони Блэр, началось радикальное программно-идеологическое обновление партии, в ходе которого она заметно сдвинулась в сторону центра политического спектра. Позднее, в 1998 г., аналогичный процесс развернулся в СДПГ. В результате в западной социал-демократии обозначились два основных течения — «новые» (модернистские) и «старые» социал-демократы. Первое из них, связанное с именами Блэра и лидера СДПГ Герхарда Шрёдера, отказалось от многих традиционных социал-демократических представлений и тяготело к социал-либерализму.

Важнейшими концептами, которые Блэр и его единомышленники внесли в идеологию ЛПВ, были «новый лейборизм» (*New Labour*) и «третий путь» (*Third Way*). «Новый лейборизм» означал отказ от ряда постулатов «старого», этатистско-корпоративистского лейборизма, прежде всего от намерения повышать налоги на корпорации, расширять государственный контроль над экономикой и лоббировать интересы тред-юнионов. А «третий путь» пролегал уже не между неконтролируемым капитализмом и коммунизмом, но между неолиберализмом и традиционным демократическим социализмом, иными словами, между тэтчеризмом и кейнсианским государством благосостояния.

Провозгласив себя наследниками всей прогрессивной традиции британской мысли (как собственно лейбористской, так и социал-либеральной), «новые лейбористы» стремились дополнить социал-демократическую приверженность социальной справедливости, достигаемой посредством коллективных действий, приверженностью индивидуальной свободе и рыночной экономике⁴³. Символическим разрывом со «старым лейборизмом» стала отмена в 1995 г. по инициативе Блэра знаменитого 4-го пункта Устава ЛПВ, требовавшего обобществления основных средств производства, распределения и обмена. Согласно новой редакции этого пункта, целью Лейбористской партии теперь являлась не общественная собственность, а создание такого общества, в котором «власть, богатство и жизненные возможности принадлежат многим, а не меньшинству»⁴⁴.

Весьма позитивно относясь к рыночной экономике, Блэр и его единомышленники фактически отказались от кейнсианства в пользу близких к неоклассическим экономическим подходов. В отличие от «старых левых» они полагали, что рынки следует не ограничивать, а либерализовывать, используя результаты экономического роста, порожденного функционированием свободного конкурентного рынка, для увеличения инвестиций в общественные службы и финансирования государства благосостояния. Участие правительства в регулировании

⁴³ Милибэнд 2003: 28.

⁴⁴ Sassoon 1996: 739.

рыночной экономики, с их точки зрения, должно было быть значительно меньшим, нежели предписывал традиционный лейборизм. Что же касается государства благосостояния, то «новые лейбористы» считали необходимым преобразовать его в «государство социальных инвестиций», в рамках которого государственная помощь гражданам заключалась бы не столько в социальных выплатах, сколько в инвестициях, направленных на приобретение квалификации или переобучение. Ограничивая во время своего пребывания на посту премьер-министра (1997—2007) щедрость социального государства, Блэр всячески подчеркивал важность личных усилий и личной ответственности индивидов.

В то же время социальная политика правительства Блэра включала в себя и многие традиционные социал-демократические элементы. Неудивительно, что «новых лейбористов» нередко характеризовали как сторонников сочетания неолиберализма в экономике с социал-демократической социальной политикой, или социальных либералов. И действительно, по своим идейно-политическим установкам «новая» социал-демократия во многом приблизилась к социальному («рузвельтовскому») либерализму, олицетворяемому Демократической партией США.

Сходных с неолейбористскими взглядов придерживался и Шрёдер, который еще в середине 1990-х годов заявлял, что сегодня уже нет места для специфической социал-демократической экономической политики и речь может идти только о политике более современной или менее современной⁴⁵. Его социально-политическая концепция, сформулированная перед парламентскими выборами 1998 г., получила название «новая середина», или «новый центр» (Neue Mitte). Тем самым СДПГ демонстрировала намерение привлечь на свою сторону новые средние слои — высококвалифицированных наемных работников, мелких и средних предпринимателей, представителей свободных профессий и др. Не случайно предвыборная программа 1998 г. была, по словам Шрёдера, «самой рыночной» из всех предвыборных программ СДПГ. Реализм и энергия важнее, чем идеология, — таков был ее лейтмотив. Программа включала ряд предложений в духе «третьего пути» (сочетание политики повышения спроса с политикой, ориентированной на предложение; поддержка средних слоев, мелкого и среднего предпринимательства и др.⁴⁶).

Заняв в 1998 г. пост федерального канцлера, Шрёдер приложил немало усилий, чтобы маркетизировать социальную модель ФРГ. Как и «новые лейбористы», он считал иллюзией представление о том, что «больше государства» означает больше справедливости, и подчеркивал важность принципов субсидиарности и личной ответственности граждан⁴⁷, вспоминая в связи с этим слова Иоганна Гёте, называвшего лучшим то правительство, «которое учит нас править самими собой»⁴⁸. В начале XXI в. Шрёдером были инициированы реформы рынка труда и социальной сферы, направленные на сокращение

⁴⁵ *Maier 2000: 258.*

⁴⁶ *Мацонашвили 1998: 28—35.*

⁴⁷ *Schröder 2000: 202—204.*

⁴⁸ *Ibid.: 203.*

роли государства в экономике ФРГ, суть которых была изложена в программе «Повестка 2010» (2003) и нашла воплощение в пакете законов «Хартц IV» (2005). Реформы предполагали снижение налогов на бизнес и социальных взносов предпринимателей, дерегулирование рынка труда, уменьшение различных субсидий и льгот, сокращение сроков получения пособия по безработице, приватизацию федеральной собственности.

Проводимые правительством Шрёдера реформы оказались, однако, крайне болезненными и непопулярными, и их следствием стал отток из СДПГ левоориентированных членов, воспринявших политику руководства партии как фактический переход на неолиберальные позиции. Многие из тех, кто покинул СДПГ по причине несогласия с «Повесткой 2010», приняли участие в создании в 2007 г. Лево́й партии, позиционировавшей себя в качестве антикапиталистической силы, стоящей на позициях демократического социализма и сохранившей приверженность изначальной утопии левых.

«Новая» социал-демократия, таким образом, отличалась от традиционной по целому ряду параметров. Во-первых, если «старая» социал-демократия, признавая преимущества рыночной экономики, настаивала на необходимости перераспределения создаваемых ею благ во имя социальной справедливости и сглаживания неравенства, то «новая» рассматривала социальную политику и социальные гарантии скорее как средство обеспечения более эффективного функционирования рыночной экономики. Во-вторых, если «старая» (кейнсианская) социал-демократия считала основным инструментом достижения своих целей государство, то «новая» — рыночную экономику. В-третьих, если для «старой» социал-демократии был характерен этос солидарности, государственно-патерналистские и коллективистские установки, то сторонники Блэра и Шрёдера делали акцент на индивидуальных усилиях, личной инициативе и предприимчивости. И, наконец, — last but not least — приверженцы «третьего пути» отодвинули на самый задний план социалистические традиции и утопические элементы социал-демократической идеологии, de facto отказавшись от такой исторической задачи социал-демократического движения, как ликвидация отчуждения труда.

На рубеже XX и XXI вв. идеи Блэра и Шрёдера широко обсуждались в европейских социал-демократических кругах. Они в определенной степени способствовали идеологической модернизации социал-демократии, отказу ее от этатистско-перераспределительных схем. В то же время рыночно ориентированный «третий путь» встретил поддержку далеко не во всех левоцентристских партиях. Превращению его в универсальную модель обновления европейской социал-демократии препятствовали, в частности, серьезные различия между европейскими странами с точки зрения традиций социалистического движения, укорененности левой политической культуры, отношений социал-демократов с профсоюзами, да и социальных условий.

В конце 1990-х годов идея «третьего пути» подверглась критике со стороны руководства Французской социалистической партии, более близкого по своим взглядам к кейнсианской социал-демократии. Лидер ФСП Лионель Жоспен доказывал, что социалистам следует с уважением относиться к собственным традициям, сохранять критическое отношение к капитализму (в том числе глобальному) и не торопиться сдавать в архив кейнсианские рецепты макроэкономического регулирования⁴⁹. Однако другие социал-демократические партии все же в той или иной степени «маркетизировали» свои программно-идеологические установки (что объяснялось, впрочем, не только влиянием концепции «третьего пути», но и очевидными императивами глобализации и «новой экономики»). В целом можно констатировать, что в конце XX — начале XXI в. идеология европейских социал-демократических партий обогатилась элементами неоллиберализма, следствием чего стал больший или меньший сдвиг этих партий в направлении политического центра. Показательно, что в начале XXI столетия термин «социализм» (или «демократический социализм») практически исчез из лексикона европейской социал-демократии. Смысл ее политической деятельности сводился теперь к формированию «хорошего», «цивилизованного» капитализма, который противопоставлялся капитализму «хищническому», «турбулентному», «капитализму джунглей».

⁴⁹ Жоспен 2000.

Возвращение к традициям

Эволюция европейской социал-демократии в сторону социального либерализма была прервана глобальным экономическим кризисом 2008 г. Банковско-финансовые потрясения 2007—2009 гг. были расценены социал-демократами как кризис неоллиберального капитализма и неоллиберальной модели глобализации, подтверждающий справедливость их базовых представлений о необходимости политического регулирования рынков. Под влиянием финансового кризиса социал-демократы стали возвращаться к своим традиционным установкам и ценностям, а в социал-демократический дискурс вернулись критика капитализма и даже понятие «социализм». Так, в предвыборном манифесте Партии европейских социалистов (ПЕС), принятом в декабре 2008 г., утверждалось: «Этот кризис знаменует собой окончание консервативной эры неэффективно регулируемых рынков. Консерваторы верят в рыночное общество и дают возможность богатым стать еще богаче в ущерб остальным. Мы верим в социальную рыночную экономику, которая позволит каждому члену общества максимально использовать возможности глобализации»⁵⁰. В качестве альтернативы неоконсерватизму ПЕС выдвигала «новый социализм», для которого главное — человек, а не рынок⁵¹.

⁵⁰ Предвыборный манифест 2009: 8.

⁵¹ Там же: 16.

Интересно отметить, что в документах социал-демократических партий и выступлениях их лидеров и теоретиков критике подвергается прежде всего авантюрно-спекулятивный капитализм (в терминологии

Макса Вебера), в то время как капитализм рационально-продуктивный берется под защиту. Краткосрочные финансовые спекуляции, надувание финансовых «мыльных пузырей», считают социал-демократы, не только наносят ущерб реальному сектору экономики, но и противоречат основным социал-демократическим ценностям. Выступая против неолиберальной стратегии невмешательства в рыночные процессы, европейские левоцентристы отстаивают необходимость активной промышленной политики, а некоторые из них в поисках рецептов преодоления рецессии вновь обратились к Кейнсу.

Банковско-финансовый кризис заставил вернуться к традиционным социал-демократическим ценностям даже те партии, которые дальше других продвинулись по пути модернизации, — ЛПВ и СДПГ. Возглавивший Лейбористскую партию после поражения ее на выборах 2010 г. Эдвард Милибэнд в значительной мере отошел от принципов «нового лейборизма» и «третьего пути». По словам британского политолога Юниса Гоуза, он «вернул в Лейбористскую партию социал-демократическую критику капитализма, которая отсутствовала в партийной риторике и политике в эру „нового лейборизма“»⁵².

⁵² *Goes 2016: 87.*

Вере «новых лейбористов» в благотворное влияние минимально регулируемых рынков и глобализации Милибэнд противопоставил концепцию «ответственного капитализма». Эта социально-экономическая модель, призванная стать альтернативой «хищническому капитализму» с присущими ему глубокими социальными контрастами, гипертрофией финансового сектора и чрезмерной ролью краткосрочных финансовых спекуляций, предполагала изменение баланса между финансовым и реальным сектором в пользу последнего и более активное вмешательство государства в экономику, в том числе посредством проводимой им промышленной политики.

В гораздо большей степени, чем «новых лейбористов», волновала Милибэнда и проблема социального неравенства. Его стремление сделать Великобританию более эгалитарной нашло воплощение в выдвинутой им в 2012 г. концепции «лейборизма одной нации» (One Nation Labour), согласно которой важнейшая задача ЛПВ заключается в том, чтобы ликвидировать существующие в британском обществе социальные барьеры и обеспечить всем гражданам равные жизненные шансы.

Впрочем, в дальнейшем ЛПВ ожидал еще более резкий сдвиг влево. После неудачной для партии парламентской кампании 2015 г. лидером лейбористов стал «твердый левый» Джереми Корбин. Его избрание на этот пост объяснялось прежде всего тем, что, согласно принятым в 2014 г. правилам, в голосовании могли участвовать не только члены ЛПВ и аффилированных с ней тред-юнионов, но и сторонники партии, значительную часть которых составила протестно настроенная молодежь, привержены социалистических традиций рабочего движения, члены различных левых группировок. Приверженцы Корбина, отмечает российский политолог Елена Ананьева, — это «коалиция

„старых левых“ и молодежи протеста, нонконформистов, людей вдохновения, а не разума, радио. Отринув прагматизм, они требуют идейной альтернативы, пусть и не рассчитывая на перемены в стране»⁵³. В 2016 г. Корбин был переизбран на пост лидера ЛПВ.

⁵³ *Ананьева 2016: 84.*

По своим взглядам Корбин — демократический социалист, испытывавший заметное влияние марксизма и стремящийся вернуть ЛПВ к ее социалистическим истокам и традициям. Будучи впервые избран в британский парламент в 1983 г., он вошел в состав группы «Социалистическая кампания», объединявшей наиболее левую часть лейбористских депутатов и выступавшей против отмены 4-го пункта Устава ЛПВ. Взгляды Корбина нашли отражение в предвыборном манифесте ЛПВ 2017 г. «Для многих, не для некоторых», где предлагалось национализировать ряд отраслей экономики (железные дороги, энергетику, почту), повысить налоги на прибыль корпораций и высокие личные доходы, увеличить государственные инвестиции и социальные расходы, отменить плату за высшее образование⁵⁴. Другими словами, от рыночного прагматизма эпохи Блэра ЛПВ в значительной мере вернулась к «старому» лейборизму.

⁵⁴ *For the Many s.a.*

Аналогичным образом протекала и эволюция СДПГ в постшрёдеровскую эпоху. Под влиянием финансового кризиса 2008 г. партия сдвинулась от «новой середины» к более традиционным социал-демократическим ценностям. Очень сильный социальный уклон просматривался уже в предвыборной программе СДПГ 2009 г. — о социальных проблемах и социальной справедливости в ней говорилось более двухсот раз⁵⁵. Для выступлений лидеров и теоретиков СДПГ в 2010-е годы характерна критика «казино-капитализма» и «экономики мыльного пузыря», призывы к регулированию финансового рынка и введению специального налога на деятельность биржевых и финансовых спекулянтов. Вместо мер «жесткой экономии» предлагаются инвестиции, обеспечивающие экономический рост и увеличение занятости. Всячески подчеркивается и приверженность СДПГ идее справедливости. Именно обеспечение социальной справедливости было ключевой темой ее программы к парламентским выборам 2017 г., причем сама программа была озаглавлена «Пришло время для большей справедливости»⁵⁶. А в апреле 2018 г. лидером СДПГ была избрана Андреа Налес, в свое время критиковавшая «Повестку 2010» Шрёдера.

⁵⁵ *Григорьев 2009.*

⁵⁶ *Zeit für mehr Gerechtigkeit.*

В свою очередь, во Французской социалистической партии нарастало неприятие социал-либерального курса президента Франсуа Олланда. В результате на праймериз, на которых определялся кандидат от социалистов на президентских выборах 2017 г., победу одержал левый социалист Бенуа Амон, декларировавший намерение вернуть ФСП к ее истокам и традиционным ценностям левого движения. Стоит отметить, что ключевым пунктом программы Амона было введение «безусловного базового дохода» — ежемесячных универсальных выплат для всех французов вне зависимости от уровня их благосостояния.

Победа Амона на праймериз ФСП, как и избрание лидерами ЛПВ и СДПГ соответственно Корбина и Налес, в очередной раз свидетельствует о том, что движение социал-демократической партии в направлении деидеологизированного прагматизма имеет свои пределы. Проект нового общества, более свободного и справедливого, обеспечивающего всем равные жизненные шансы, во многом является основой социал-демократической идентичности, и европейские левоцентристы не могут от него полностью отказаться. Как полагает эксперт близкого к СДПГ Фонда Фридриха Эберта Марк Заксер, наличие позитивного видения посткапиталистического мира — необходимое условие восстановления социал-демократией ее политического потенциала⁵⁷.

⁵⁷ *Saxer 2013: 56.*

Неудивительно, что в настоящее время в европейских левоцентристских партиях происходит определенный возврат к социал-демократической «утопии-надежде» или ее элементам. И это, вероятно, не так уж плохо. Как заметил в свое время Вебер, «возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному»⁵⁸.

⁵⁸ *Вебер 2006: 528.*

Библиография

Ананьева Е.В. (2016) «Исчезающий центр» // *Международная жизнь*, № 10: 80—92.

Бернштейн Э. (2015) *Условия возможности социализма и задачи социал-демократии*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Брандт В. (1992) *Демократический социализм: Статьи и речи*. М.: Республика.

Варшавский В.С. (1982) *Родословная большевизма*. Paris: YMCA-Press.

Вебер М. (2006) «Политика как призвание и профессия» // Вебер М. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. М.: РОССПЭН: 485—528.

Гильфердинг Р. (1928) *Капитализм, социализм и социал-демократия: Сб. статей и речей*. М.—Л.: Московский рабочий.

Григорьев Е.Е. (2009) «Штайнмайер сделал заявку на канцлерство» // *Независимая газета*, 21.04. URL: http://www.ng.ru/world/2009-04-21/7_germany.html (проверено 03.05.2018).

Дюверже М. (2000) *Политические партии*. М.: Академический проект.

Жоспен Л. (2000) «На пути к более справедливому миру» // *Социал-демократия перед лицом глобальных проблем*. М.: ИНИОН РАН: 106—127.

Каутский К. (1917) *На другой день после социальной революции*. Петроград: Пролетарская мысль.

Ласки М. (1991) «Утопия и революция» // *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*. М.: Прогресс: 170—209.

- Майер Т. (1990) «Парадигмы социализма в Европе, история и современность» // *Коммунист*, № 3: 111—121.
- Майер Т. (2000) *Трансформация социал-демократии: Партия на пути в XXI век*. М.: Памятники исторической мысли.
- Мационашвили Т.Н. (1998) *Социал-демократическая партия Германии перед выборами 1998 г.* М.: ИНИОН РАН.
- Милибэнд Д. (2003) «Будущее новых лейбористов: взгляд изнутри» // *Социал-демократия сегодня*. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН: 27—41.
- Мусихин Г.И. (2013) *Очерки теории идеологий*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Новгородцев П.И. (1991) *Об общественном идеале*. М.: Пресса.
- Предвыборный манифест Партии европейских социалистов*. (2009) М.: Ключ-С.
- Суворов Ю.В. и В.Т.Двинская, сост. (2005) *Германская социал-демократия: Сборник документов*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ.
- Шацкий Е. (1990) *Утопия и традиция*. М.: Прогресс.
- Bauer O. (1936) *Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus*. Bratislava: E. Prager Verlag.
- Braunthal J., ed. (1956) *Yearbook of the International Socialist Labour Movement, 1956—1957*. London: Lincolns-Praeger.
- For the Many, Not the Few: The Labour Party Manifesto 2017*. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf> (accessed 10.04.2018).
- Goes E. (2016) *The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy*. Manchester: Manchester University Press.
- Kautsky K. (1918) *Die Diktatur des Proletariats*. Wien: Ignaz Brand & Co.
- Kolakowski L. (1981) *Main Currents of Marxism: Its Origins, Growth and Dissolution*. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press.
- Michels R. (1989) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der moderner Demokratie*. 4. Aufl. Stuttgart: Kröner.
- Sassoon D. (1996) *One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century*. New York: The New Press.
- Saxer M. (2013) «Utopie, Technokratie und Kampf: Wege aus der Krise der Sozialdemokratie» // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, № 11: 51—56. URL: http://www.frankfurter-hefte.de/upload/Archiv/2013/Heft_11/PDF/2013-11_saxer.pdf (accessed 05.05.2018).
- Schröder G. (2000) «Die Zivile Bürgergesellschaft: Anregungen zu einer Neubestimmung der Aufgaben von Staat und Gesellschaft» // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, № 4: 200—207.
- Zeit für mehr Gerechtigkeit*. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (accessed 03.05.2018).

N.V.Rabotyazhev

REALISM AND UTOPIA IN THE IDEOLOGY OF EUROPEAN SOCIAL DEMOCRACY

Nikolai V. Rabotyazhev — Ph.D. in Political Science; Leading Researcher at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: rabotiajev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the combination of utopian and realistic components in the ideology of the European social democracy. The author demonstrates that during the 20th century social democracy abandoned many utopian ideas and illusions. In the end of the 19th — first half of the 20th century the European social democratic parties (except for the British Labour Party) utilized Marxism as their dominant ideology, in that dogmatized form that it received from F.Engels, K.Kautsky and G.Plekhanov, although even at that time a number of provisions of Marxist doctrine were called into question by the representatives of the revisionist forces led by E.Bernstein. During the subsequent de-radicalization, social democrats in fact switched to the positions of social reformism. In the 1950s, they abandoned many of the Marxist postulates and proclaimed their commitment to ethical socialism within mixed economy. In the late 1970s, the fact that the Keynesian socio-economic model that they created sailed into the crisis aggravated the trend towards de-radicalization of social democratic parties, which manifested itself in the strengthening of the pro-market wing. The most active processes of ideological modernization unfolded in the British Labour Party and the Social Democratic Party of Germany, resulting in the emergence of a “new” social democracy (T.Blair’s “New Labour”, G.Schröder’s “Neue Mitte”). However, the 2008 global financial-economic crisis interrupted the movement of the European social democracy towards social liberalism, and in the 2010s social democratic parties again largely returned to their traditional agenda. According to the author’s assessment, the recent “left turn” of the social democracy indicates that it is not able to fully switch to market pragmatism and still needs “Utopia-Hope”.

Keywords: social democracy, utopia, Marxism, democratic socialism, “third way”, “New Labour”

References

- Anan’eva E.V. (2016) “Ischezajushchij Tsentr” [Vanishing Centre] // *Mezhdunarodnaja Zhizn’* [International Affairs], no. 10: 80–92. (In Russ.)
- Bauer O. (1936) *Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus*. Bratislava: E. Prager Verlag.

- Bernstein E. (2015) *Uslovija vozmozhnosti sotsializma i zadachi sotsial-demokratii* [Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie]. Moscow: Knizhnyj dom "LIBROCOM". (In Russ.)
- Brandt W. (1992) *Demokraticeskij sotsializm: Stat'i i rechi* [Democratic Socialism: Articles and Speeches]. Moscow: Respublica. (In Russ.)
- Braunthal J., ed. (1956) *Yearbook of the International Socialist Labour Movement, 1956—1957*. London: Lincolns-Praeger.
- Duverger M. (2000) *Politicheskie partii* [Political Parties]. Moscow: Akademicheskij Projekt. (In Russ.)
- For the Many, Not the Few: The Labour Party Manifesto 2017*. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf> (accessed 10.04.2018).
- Goes E. (2016) *The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy*. Manchester: Manchester University Press.
- Grigor'ev E.E. (2009) "Steinmeier sdelal zajavku na kantslerstvo" [Steinmeier Applied for the Chancellor Office]. *Nezavisimaya gazeta*, 21.04. URL: http://www.ng.ru/world/2009-04-21/7_germany.html (accessed 03.05.2018)
- Hilferding R. (1928) *Kapitalizm, sotsializm i sotsial-demokratija: Sbornik statej i rechej* [Capitalism, Socialism and Social Democracy: Collection of Articles and Speeches]. Moscow — Leningrad: Moskovskij rabochij. (In Russ.)
- Jospin L. (2000) "Na puti k bolee spravedlivomu miru" [On the Way to a More Just World] // *Sotsial-demokratija pered litsom global'nykh problem* [Social Democracy Facing Global Problems]. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
- Kautsky K. (1917) *Na drugoj den' posle sotsialnoj revolutsii* [Am Tage nach der sozialen Revolution]. Petrograd: Proletarskaja Mysl'. (In Russ.)
- Kautsky K. (1918) *Die Diktatur des Proletariats*. Wien: Ignaz Brand & Co.
- Kolakowski L. (1981) *Main Currents of Marxism: Its Origins, Growth and Dissolution*. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press.
- Laski M. (1991) "Utopija i revolutsija" [Utopia and Revolution] // *Utopija i utopicheskoe myshlenije: antologija zarubezhnoj literatury* [Utopia and Utopian Thought: Anthology of Foreign Literature]. Moscow: Progress: 170—209. (In Russ.)
- Matsonashvili T.N. (1998) *Sotsial-demokraticeskaja partija Germanii pered vyborami 1998 g.* [Social Democratic Party of Germany before the Elections of 1998]. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
- Meyer T. (1990) "Paradigmy sotsializma v Evrope, istorija i sovremennost'" [The Paradigms of Socialism in Europe: History and Present Day] // *Kommunist* [Communist], № 3: 111— 121 (In Russ.)
- Meyer T. (2000) *Transformatsija sotsial-demokratii: Partija na puti v XXI vek* [The Transformation of Social Democracy: The Party on the Way to the 21 Century]. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.)
- Michels R. (1989) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der moderner Demokratie*. 4. Aufl. Stuttgart: Kröner.
- Miliband D. (2003) "Budushchee novykh lejboristov: vzglyad iznutri" [The Future of New Labour: a View from Inside] // *Sotsial-demokratija*

segodnja [Social Democracy Today]. Issue 2. Moscow: INION RAN: 27—41 (In Russ.)

Musikhin G.I. (2013) *Ocherki teorii ideologii* [Essays on the Theory of Ideologies]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Novgorodtsev P.N. (1991) *Ob obshchestvennom ideale* [On the Social Ideal]. Moscow: Pressa. (In Russ.)

Predvybornyj manifest Partii evropejskikh sotsialistov (2009) [Election Manifesto of the Party of European Socialists]. Moscow: Kluch-C. (In Russ.)

Sassoon D. (1996) *One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century*. New York: The New Press.

Saxer M. (2013) “Utopie, Technokratie und Kampf: Wege aus der Krise der Sozialdemokratie” // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, № 11: 51—56. URL: http://www.frankfurter-hefte.de/upload/Archiv/2013/Heft_11/PDF/2013-11_saxer.pdf (accessed 05.05.2018).

Schröder G. (2000) “Die Zivile Bürgergesellschaft: Anregungen zu einer Neubestimmung der Aufgaben von Staat und Gesellschaft” // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, № 4: 200—207.

Suvorov Yu.V. and V.T.Dvinskaja, sost. (2005) *Germanskaja sotsialdemokratija: Sbornik dokumentov* [German Social Democracy: Collection of Documents]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU. (In Russ.)

Szacki J. (1990) *Utopija i traditsija* [Utopia and Tradition]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Varshavsky V.S. (1982) *Rodoslovnaja bolshevizma* [The Genealogy of Bolshevism]. Paris: YMCA-Press. (In Russ.)

Weber M. (2006) “Politika kak prizvanije i professija” [Politik als Beruf] // Weber M. *Izbrannoje: Protestantskaja etika i dukh kapitalizma* [Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow: ROSSPEN: 485—528. (In Russ.)

Zeit für mehr Gerechtigkeit URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Regierungsprogramm/SPD_Regierungsprogramm_BTW_2017_A5_RZ_WEB.pdf (accessed 03.05.2018).